

Siergiej Kormiłow

Русская литературная критика 1990-х годов в самооценках и освещении литературоведения

Polilog. Studia Neofilologiczne nr 3, 77-100

2013

Artykuł został opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

Siergiej Kormilow

Moskiewski Uniwersytet Państwowy
Moskwa, Rosja

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА 1990-Х ГОДОВ В САМООЦЕНКАХ И ОСВЕЩЕНИИ ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ

Ключевые слова: *критика, литературоведение (наука о литературе), направление, демократы, национал-патриоты*

Русская критика конца XX в., перестав быть советской, существенно изменилась. В огромной степени она утратила свою прежнюю общественную роль. На кого-то это произвело впечатление ее исчезновения, которое приходилось опровергать¹. Такая точка зрения, по-видимому, отчасти повлияла и на самих критиков, и на историков критики. Например, С.И. Чупринин, главный редактор журнала „Знамя” с ноября 1993 г., в рубрике «Памятные даты» своего «нового путеводителя» по современной литературе выделил только две критические публикации – показательно, что газетные статьи и притом самого начала десятилетия: 4 июля 1990 г. в „Литературной газете” появилась «статья Виктора Ерофеева *Поминки по советской литературе*, открывшая многолетнюю дискуссии по пересмотру культурного наследия советской эпохи», а вскоре, 31 октября, там же «напечатана статья Вячеслава Курицына *На пороге энергетической культуры* – первый манифест русского литературного постмодернизма»². Автор учебника по критике XX в. вместо главы о *критике* 90-х гг. перепечатал свою статью о тогдашней постмодернистской *литературе*³.

Ранее Е.Г. Елина в соответствующей теме главе другого учебника все-таки смогла нечто сказать по существу: об отмене еще в 1990 г., до крушения СССР, цензуры, о последующей утрате тиражей толстыми журналами из-за роста цен и о закрытии одного из лучших журналов русской провинции – саратовской „Волги” – в 2000 г., о переориентации критиков на газеты (со ссылкой на статью Натальи Ивановой *Между. О месте критики в прессе и литературе*: «Газета позволяет о многом и большом говорить одним абзацем, а потому критики обращаются к таким маргинальным жанрам, как полусветский комментарий, заметки по

¹ См.: И. Пруссакова, *Критики нет? Критика есть!*, „Вопросы литературы” 1998, выпуск IV, с. 3-35.

² С. Чупринин, *Русская литература сегодня. Новый путеводитель*, Москва 2009, с. 37, 39.

³ См.: М.М. Голубков, *История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы)*, Москва 2008, с. 320-345.

поводу, «поведенческий» фельетон. Резидента заменил хроникер литературной жизни») и на Интернет, о выдвигании ярких индивидуальностей постмодернистской критикой, о прозвучавшей в середине десятилетия мысли, согласно которой «критика, стремившаяся к иерархичности во взглядах на литературные явления, отчасти потеряла возможности классифицировать тексты» («Так, в 1970-80-е годы критики делили литературу на «деревенскую прозу», «военную прозу», «литературу о молодежи», «о нравственных исканиях современников». Авангардные течения в литературе, постмодернистская эстетика, захватившая большие литературные пространства, лишают критиков привычных оснований для оценок и даже привычной терминологии»), о «выдвиженцах» 90-х гг. в критике – А. Василевском, П. Басинском, М. Золотоносове, М. Липовецком, А. Архангельском, К. Кобрине и др.: «Они свободны в выражении своих идей, в выборе объектов критического анализа. Являясь филологами по образованию и призванию, они вернули литературную критику в лоно филологической науки. Они владеют широкими пластами историко-литературного материала, и это позволяет им взглянуть на современные тексты во всей их многомерности и многогранности». Об образованности и эрудиции новых критиков сказано верно. И критика вообще на западный манер действительно сблизилась с литературоведением. Но далеко не всегда это означает возвращение в «лоно науки». Очень часто литературоведение смыкается с беллетристической игрой, появляются статьи и большие книги, ниспровергающие старые авторитеты и отбрасывающие старые «схемы», в действительности не имеющие с наукой ничего общего. И сама Е.Г. Елина признает, что научность названным литераторам далеко не всегда свойственна. «“Молодые” критики пишут много и часто, а это порой оборачивается недостатком аналитической глубины. Они не «отбирают» литературные материалы для суждений, у них отсутствуют постоянно опекаемые ими литературные объекты, они прослеживают весь литературный процесс – от вещей значительных и крупных до произведений массовой культуры, беря на себя функции своеобразных „санитаров леса“, выгрызающих из литературы безвкусицу и пошлость. Если литературные критики недавнего прошлого при всем разнообразии интересов постоянно вели одну, особенно важную для них, тему, то молодые авторы 1990-х годов хроникерские функции критики постоянно декларируют в своих работах»⁴.

Самый активный, хотя не всеми одинаково оцениваемый⁵, современный кри-

⁴ *История русской литературной критики*, под ред. В.В. Прозорова, Москва 2002, с. 353, 357, 359.

⁵ С. Чупринин пишет: «Необыкновенные работоспособность и добросовестность, проявившиеся в том, что Немзер откликнулся едва ли не на все сколько-нибудь заметные книги и литературные события последних пятнадцати лет, вызывают у его коллег ревнивое восхищение. Симптоматично высказывание Александра Агеева: «Если б меня ночью разбудили и спросили: “Кто в России первый критик?” – я бы ответил, даже не просыпаясь: “Немзер!”». Именно поэтому, по оценке еженедельника “Книжное обозрение”, “...на роль властителя дум в литературе 90-х он претендует, как никто другой” (26.01.1999). Высказываются, впрочем, – добавляет в духе прежних скептических времен старший критик, ссылаясь на еще более старшего, – и сомнения в этой оценке: “Мне, – говорит Алла Латынина, – Немзер больше всего напоминает школьного учителя, который сеет разумное, доброе, вечное и ставит пятерки понятливым отличникам. Дмитриев и Вишневецкая у него в отличниках. А вот Пелевин, Сорокин и Галковский – в двоечниках».

тик Андрей Немзер, до обретения нового поприща – очень серьезный историк русской литературы первой трети XIX в., весьма отличен от себя раннего и пропагандирует литературные 1990-е гг. как «замечательное десятилетие»⁶. В предисловии „От автора” к книге, объединившей – просто по алфавиту фамилий писателей любого масштаба (Ан. Азольский, Ч. Айтматов, Вас. Аксенов, Петр Алешковский, Юз Алешковский, В. Астафьев, Мих. Безродный, Мих. Берг, А. Битов, Олег Блоцкий, Александр Бородыня, И. Бродский, Ю. Буйда и т.д.) – рецензии на их произведения 90-х гг., вспоминал, как в начале 1992 г. читал литературную прозу и видел совсем не то, о чем писали профессиональные критики (а он таким себя не считал). В толстых журналах, „Литературной газете”, общеполитических газетах шли толки о конце литературоцентризма⁷, исчезновении литературного процесса, а никакой живой словесности в России якобы не было. «За год-другой ситуация в какой-то мере выправилась. Толки о “конце” прекратились, а стали мирно соседствовать с аналитической информацией. “Процесс” по-прежнему считался исчезнувшим (то ли к счастью, то ли к горести), но это никому не мешает описывать взаимодействие литературных фактов, тактично опуская советско-кафкианское слово [“процесс” – С.К.]. Рецензия снова в чести»⁸. В чести у критиков. А у оставшихся читателей интерес к серьезной современной (или «возвращенной») из сравнительно недавнего прошлого) литературе, как и к классике, пропал. Б. Дубин в статье *Масскульт наследник классики?* („Литературная газета” 1998, № 37) по данным Всероссийского центрального института общественного мнения сообщил, что детективы, боевики читает 32% потребителей литературы, романы о любви – 37 (в основном женщины), а вместе это почти 60%; остальное: фантастика – 15%, русская и зарубежная классика (романы) – 14, современная русская проза – 6, поэзия – 6; вообще не читают книг 35% населения

Но беда в том, что отличники только пережевывают чужое и никогда не скажут нового слова ни в науке, ни в литературе. Они мне не интересны. А среди двоечников могут сказаться и дебилы, и гении” (“Русский журнал”, 9.04.2004)» (С. Чупринин, *Русская литература сегодня. Новый путеводитель*, Москва 2009, с. 460). По словам же И. Кукулина и М. Липовецкого, Немзер «видит свою задачу в максимально полном и эмоционально окрашенном восстановлении текущего исторического контекста во всей его противоречивости. Неприязнь Немзера к теоретическим типологиям, спорам о постмодернизме, модернизме, реализме, столь популярным в критике 1990-х годов, вырастает из филологического «оппозиционного позитивизма» начала 1980-х, когда направления и течения воспринимались как безнадежно идеологизированные категории, единственным спасением от которых был уход в конкретное изучение личности писателя и его окружения, в архив, текстологию, поиски интертекстуальных зависимостей и т.п.

Этот методологический принцип наполняется у Немзера культуростроительным пафосом» (*История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*, под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова, Москва 2011, с. 645. Далее ссылки на это издание даются в тексте с обозначением ИРЛК).

⁶ См.: А. Немзер, *Замечательное десятилетие русской литературы*, Москва 2003. В книгу вошли работы 90-х гг.

⁷ В *Хронику* своего сборника статей Наталья Иванова включила главу под названием *Закат литературоцентризма: 1991* (Н. Иванова, *Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век*, Санкт-Петербург 2003, с. 335-343. Далее страницы этой книги указываются в тексте с обозначением НИ). С исчезновением советской действительности многие в когда-то самой читающей стране перестали читать, переключившись на телевидение и Интернет.

⁸ А. Немзер, *Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е*, Москва 1998, с. 6.

России⁹. Не сбылось давнее предсказание «шестидесятницы» И.Б. Роднянской, разграничивавшей легкую, поверхностную беллетристику и требующую от читателей серьезной внутренней работы «строгую» литературу: «У нас беллетристике предстоит все больше отесняться на периферию искусства, потому что в недалеком коммунистическом обществе искусство (кстати, вопреки ошибочному мнению некоторой части современной научно-технической интеллигенции) будет не почетным средством развлечения и не видом пассивного отдыха, а необходимой и полноценной сферой напряженной – вдесятеро против нынешнего – духовной жизни гармонического и творческого человека»¹⁰. В конце 1990-х серьезную современную прозу и какую-либо поэзию читали только по 6% россиян. Причем та же Роднянская стала приветствовать новую литературу, совсем не похожую на «шестидесятничский» реализм. В № 4 „Нового мира” за 1996 г. появился «почти восторженный разбор И. Роднянской нового романа В. Пелевина „Чапаев и Пустота”. Романа, который вызовет бурно негодующую реакцию благопристойного букеровского жюри (как «мерзопакостная» литература!)» (НИ, с. 356). Заявившая позднее, что в постмодернистской концепции мира как текста «все похоже на бутафорию», она, однако, «остается вдумчивым аналитиком собственно литературных произведений и никогда не пытается «сконструировать» идеальную литературу. Неслучайно она – пожалуй, единственный из критиков «Нового мира» – высоко оценила талант Виктора Пелевина и посвятил ему несколько тонких статей», – отмечают Илья Кукулин и Марк Липовецкий (ИРЛК, с. 657-658).

В начале 1996 г. Н.Б. Иванова констатировала: «Конец литературоцентризма естественным образом совпал с расцветом журнализма. Новое время востребовало новый язык – прямой, информативный, ясный, безо всяких там эзоповых фиоритур» (*Между. О месте критики в прессе и литературе* – НИ, с. 169). Появилось много изданий, дифференцирующихся далеко не только по идеологическому принципу. С.И. Чупринин уже в 1992 г. в статье *Первенцы свободы. «Новая журналистика» глазами литературного критика* отметил, что распространившиеся демократические газеты и журналы в борьбе за читателей (а у многих как раз в год начала «постперестроечных» реформ не стало денег на подписку) теперь должны отбивать их друг у друга. Есть традиционные издания: „Известия”, „Труд”, „Россия”, „Российская газета” – и «новая журналистика»: „Независимая газета”, „Искусство кино”, „Соло”, „Век XX и мир”, „Московский комсомолец”. Время создания данного печатного органа и место, где он выходит, уже не играют роли: парижские „Континент”¹¹, „Вестник Русского христианского движения” или нью-йоркский „Новый журнал”, мюнхенские „Грани” – свои в кругу „Невы”, „Урала”, „Нового мира”, а парижские же „Синтаксис” и „Мулета” воспринима-

⁹ См.: *Русская проза конца XX века. Хрестоматия*. Составление и вступительная статья С.И. Тиomiной, Москва 2002, с. 417. Далее страницы этого издания указываются в тексте с обозначением X.

¹⁰ И. Роднянская, *О беллетристике и «строгом» искусстве*, „Новый мир” 1962, № 4, с. 242.

¹¹ Основан в 1974 г. Владимиром Максимовым. Во многом ему противостоял парижский журнал „Синтаксис”, выпускавшийся в 1978-1998 гг. Марией Розановой (женой А. Синявского). С № 66 (1991) „Континент” выходил в Москве; с № 72 В. Максимова сменил Игорь Виноградов, в 1960-е гг. – заведующий отделом критики в „Новом мире” А. Твардовского.

ются в одном контексте с „Независимой газетой”, „Домом кино” и т.д. Традиционные издания отличаются единством позиции сотрудников, а «новая журналистика» основывается на единстве манеры, поэтики. „Независимая газета” даст слово и фашисту, и коммунисту, и монархисту, и сионисту, только бы раскованно высказывались. И раскованность эта, с веселой непочтительностью ко всему на свете, в стиле интеллигентской болтовни, делает авторов неотличимыми друг от друга, а „Коммерсантъ” и авторов часто не указывает. Молодой критик Борис Кузьминский в „Литературной газете” выделялся из всех, а перешел в „Независимую газету” – и уже ничем особым не выделяется, поскольку там почти все пишут «так же хорошо, умно и остроумно, судят о литературе, об искусстве с одной и той же – назовем ее – эстетической и этической позиции»¹². С. Чупринин считал тогда, что убеждать больше некого: нет ни КПСС, ни КГБ, ни даже «казенных литначальников»¹³. „Независимая газета”, „Коммерсантъ” и подобные издания на вопрос: с кем вы, с Ельциным или кем-то другим? – ответил бы: с пустынным Серапионом¹⁴. Установка на неангажированность свойственна молодому, «непоротому» поколению журналистов. «То, что для зачинателей и активных деятелей перестройки было *полем битвы*, первенцы свободы осознали как *игровое поле* <...>»¹⁵. Чупринин призвал отнестись к их опыту и языку с пониманием.

И все же «в первой половине 1990-х годов еще доминирует идеологическая критика. Несмотря на резкое падение тиражей, “толстые” журналы на протяжении первой половины 1990-х остаются в глазах интеллектуалов (особенно старшего поколения) и критиков главным источником литературных новостей, основной “площадкой” публикации произведений, претендующих на эстетическую инновацию. Тексты, опубликованные в “толстых” журналах, обсуждаются в критических отделах тех же или других журналов, а в еще большей степени – в газетах.

Конец 1990-х (после 1998-го) и 2000-е годы отмечены все возрастающим влиянием импрессионистической критики, ориентирующейся главным образом на книгоиздание» (ИРЛК, с. 648). «Если газеты начала 1990-х – “Независимая...” и “Сегодня” – служили, прежде всего, местом презентации критики-эссеистики, в значительной степени эмансипировавшейся от литературы (исключений было мало – в первую очередь, Андрей Немзер), то газеты конца 1990-х служили местом анализа убыстрившегося литературного процесса, за которым только газета и могла успеть» (там же, с. 678). Главный редактор журнала „Знамя” в статье *Тринадцатое мнение, или “Знамя” после 1996 года* (1997, № 1) заявил: «Литературные журналы – члены академического “клуба толстяков” – ощущают себя в последние годы не <с> только средством массовой информации, сколько учреждением (если угодно, даже заповедником) культуры, чье место в одном ряду не с газетами и телевидением, а с консерваториями, театрами, художественными га-

¹² С. Чупринин, *Первенцы свободы. «Новая журналистика» глазами литературного критика*, „Знамя” 1992, № 5, с. 215.

¹³ Там же, с. 216.

¹⁴ Реминисценция из интервью Льва Лунца *Почему мы Серапионовы братья* (1922), воспринятому как манифест независимой литературной группировки (см.: Л. Лунц, *Вне закона. Пьесы. Рассказы. Статьи*, Санкт-Петербург 1994, с. 200). Через 70 лет демократическая критика вернулась к лозунгу начала 1920-х гг.

¹⁵ С. Чупринин, *Первенцы свободы...*, с. 219.

лереями» (X, с. 585). В унисон автору *Первенцев свободы* Лев Лосев в интервью тому же журналу (1997, № 5) сказал: «Говорят, что на смену толстому журналу идет глянцевая иллюстрированная периодика. Я ничего не имею против „Плейбоя” или „Пентхауза”. Всегда есть нужда в изданиях специального назначения. ...Что вызывает отвращение – это лакейские претензии на эстетство. Высоколобая литературная периодика должна существовать хотя бы для защиты культуры от разгулявшейся пошлости» (X, с. 586).

Тем не менее размежевание направлений в литературе и критике сразу после «перестройки» наметилось именно по идеологическому принципу. В статье *Выбор. Заметки русского либерала* (1993) С. Чупринин писал о повороте в политике, произошедшем в августе 1991 г.: «До этого поворотного пункта и либералы и демократы чувствовали себя единым фронтом, едва не близнецами, что эмблематически было выражено сопредседательством Сахарова и Ельцина в Межрегиональной депутатской группе. Начиная с августа 1991 года пути демократов (в строгом смысле слова) и «так называемых демократов», то есть именно либералов, расходятся все круче»¹⁶. На самом деле даже слово «либерализм» не было в ходу до статьи Аллы Латыниной *Колокольный звон – не молитва. К вопросу о литературных полемиках* („Новый мир” 1988, № 8), где отмечались крайности враждовавших демократов и национал-патриотов, прежде всего в оценках близких им произведений. И хотя первый раздел замечательной статьи назывался “*Либеральный террор*” и “*апелляция к городовому*”, Латынина выдвигала политический и экономический идеал либерализма в точном смысле слова действенных реформ. Ее позицию восприняли и «справа» и «слева» как недопустимый центризм, попытку стать «над схваткой», примирить непримиримое. В частности, она стала объектом постоянных шпилек со стороны С. Чупринина и других критиков демократического „Знамени”. На самом же деле Латынина, по видимости выступившая как критик-центрист, в качестве публициста оказалась гораздо радикальнее демократов, все еще надеявшихся на «перестройку», на улучшение социализма¹⁷.

В 1993 г. уже Чупринин аттестовал себя либералом в подзаголовках статей *Выбор* и *Сбывшееся небывшее. Либеральный взгляд на современную литературу* – и “высокую” и “низкую» (ПУ, с. 213, 184). А за год до того „Знамя” попыталось осуществить размежевание внутри «либерально-демократического» лагеря, ранее противостоявшего единым фронтом лагерю «национал-большевистскому» (определение неточное: национал-большевистским был и во время «перестройки», и перед ней журнал „Молодая гвардия”, а „Наш современник” в период «застоя» выдвигал национальные приоритеты в противовес классовым, по сути марксистским, хотя, придерживаясь также «государственнической» идеи, открыто против

¹⁶ С. Чупринин, *Перемена участи. Статьи последних лет*, Москва 2003, с. 221. Далее страницы этого издания указываются в тексте с обозначением ПУ.

¹⁷ См.: С.И. Кормилов, *Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х – 1990-х годов*, „Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра истории русской литературы XX века. Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы”, Москва 2002, с. 176-177, 179, 184; он же, *Идеологические и методологические различия в русской критике 1980-х годов*, „Вестник Московского университета. Серия 9. Филология” 2008, № 4, с. 108-109.

марксизма и тем более ленинизма не выступал). Впервые устами Н. Ивановой „Знамя” признало «русский вопрос», который до того волновал преимущественно авторов „Нашего современника”: было прямо сказано о вымирании русского народа, который на Западе привыкли отождествлять с советским. На волне эйфории, порожденной августом 1991 г., Н. Иванова практически списала в архив движение, представляемое „Нашим современником” и его союзниками, а «либерально-демократическое» разделила по линии Солженицын – Сахаров. «Для “сахаровского” крыла основным стал вопрос о правах личности, и „русская проблема” как таковая не рассматривалась. “Солженицынское” крыло рассматривало личность через призму соборности, а вопрос о возрождении русского народа и национальной культуры был поставлен первым среди прочих». Выразителем этой тенденции объявлялся „Новый мир” С.П. Залыгина, где наряду со статьями «шестидесятника» Ст. Рассадина печатались стихи главного редактора (с 1989 г.) „Нашего современника” Ст. Куняева, вместе с „Доктором Живаго” появлялся «освистанный демократами» Василий Белов, и «авторы литературно-критических «надсхваточных» статей» якобы выискивали «жемчужные зерна в сочинениях В. Кожина и Ст. Куняева»¹⁸. В последнем случае, конечно, имеется в виду А. Латынина, которая в статье 1990 г. *Не мешайте коню сбросить всадника!* по поводу статьи С. Чупринина *Ситуация. Борьба идей в современной литературе* писала, что «не столь уж существенны наши расхождения», и на вопрос: «возможно ли брать что-то у Солженицына, что-то у Сахарова?» – отвечала: «и возможно, и нравственно»¹⁹. Н. Иванова позднее в своей *Хронике* литературных событий последних лет под 1991 г. определила идеологию „Нового мира” как «просвещенный патриотизм с религиозно-христианской направленностью», а „Знамя” представила как «принципиально светское, либерально-демократическое издание» (НИ, с. 339).

Вскоре после *Русского вопроса* статью с таким же разделением журнальных «партий» Сахарова и Солженицына напечатал Владимир Новиков. Он указал и на безликость „Юности”, ленинградских журналов „Звезда”, „Нева”, „Аврора”, не сумевших, даже при их прогрессивной направленности, стать петербургскими, и на утрату своего лица большинством эмигрантских журналов, потерявших привычного врага, – вот в „Континенте” напечатан роман Алешкина о восстании крестьян («антоновцев») против большевиков на Тамбовщине: «Написано, как положено, в пользу белых, а не красных, но качество текста – самое соцреалистическое. Жестокий Тухачевский изготовлен тем же способом, каким раньше изображались враги советской республики, со всей классовой ненавистью автора к образованности, вымытости, к игре на скрипке. В общем, почище, то есть погрязнее „Молодой гвардии”. По сравнению с этим Ан. Иванов – просто Лев Толстой»²⁰. Вл. Новиков покритиковал и самое объемистое произведение Солженицына: «Всегда помнил бы [если бы был издателем журнала – С.К.] эстетический закон Тынянова – Шкловского: «центр» и «периферия» то и дело меняются мес-

¹⁸ Н. Иванова, *Русский вопрос*, „Знамя” 1992, № 1, с. 194.

¹⁹ А. Латынина, *За открытым шлагбаумом. Литературная ситуация конца 80-х*, Москва 1991, с. 332, 325.

²⁰ Вл. Новиков, *Промежуточный финиш*, „Знамя” 1992, № 9, с. 225-226.

тами, идет подспудная «канонизация младших жанров». Ведь и большие художники тут дают порой промашку. „Красное колесо” писалось по престижно-«центральной» модели, а обернулось глубоко периферийной, провинциальной вещью. А *Архипелаг ГУЛАГ* в свое время создавался как утилитарная хроника – получилось же грандиозно-новаторское построение. Литература растет снизу: лучше возвысить и облагородить низкий жанр, чем измельчить и опошлить высокий»²¹. Однако эстетические требования „Нового мира” Новиков поставил вровень с требованиями „Знамени”. Некоторым авторам в них «внедриться нету шансов никаких»²². Этим, а не только идеологией критик объясняет то, что они идут в „Москву”, „Наш современник” и „Молодую гвардию” (уровни двух последних журналов отождествлены не совсем объективно).

Солженицына же, как впоследствии отмечала А. Латынина, «в националистической прессе травили куда сильнее (ни в одном демократическом издании не могла бы появиться такая оскорбительная статья, как статья Нилова *Образованец обустроивает Россию, или Предательство в маске*, что напечатал „Наш современник” в 1998 году, в № 11-12, – полная убогой трамвайной ругани: “власовщина чистой воды”, фашизм, предательство, двурушничество, враг России, человек без чести, ума и совести, “ничтожество”»)» („Старшая дочь короля Лира”, 2003)²³.

„Новый мир” не вступил в конфронтацию со „Знаменем”. Попытка создать новый образ врага не удалась. И Н. Иванова в 1996 г. напечатала принципиально важную статью *Между. О месте критики в прессе и литературе* в „Новом мире” (№ 1), а впоследствии выступила скорее в поддержку Солженицына, чем В. Войновича, осудившего в книжке *Портрет на фоне мифа* (2002) его мировоззрение как авторитарное. Эту книжку Иванова считает правильным назвать «памфлетом. Иные считают, что пасквилем». И провозглашает терпимость: «Я не то чтобы защищаю такой способ поведения, как *осторожность* (кстати, мне самой не очень-то присущий). Я его объясняю. Нет, не Войновичу, – он вряд ли вникнет в аргументы (в этом отношении они с Солженицыным схожи).

Тем, кому важно сопоставлять и обдумывать *разные* точки зрения, вырабатывая свое отношение к реальности. Литературной и идеологической. Тем, кто принимает самостоятельные решения» (*Сезон скандалов. Владимир Николаевич об Александре Исаевиче* – НИ, с. 558, 559)²⁴. Это как будто Латынина написала.

²¹ Там же, с. 229.

²² Там же, с. 227.

²³ А. Латынина, *Комментарии. Заметки о современной литературе*, Москва 2009, с. 163 (книга названа так же, как книга критика-эмигранта Георгия Адамовича 1967 г.). Далее ссылки на это издание даются в тексте с обозначением АЛ.

²⁴ С. Чупринин в 1993 г. выразил надежду, что пожелания Солженицыну стать президентом России не сбудутся, однако проницательно предположил: «Но вот появление последовательных, истых, твердокаменных “солженицынцев” у кормила нашей представительной власти, народного образования, культуры, системы жизнеобеспечения средств массовой информации могут вообразить без усилия. Да и всякий, должно быть, с легкостью представит, что станется, например, с нашим безалаберным телевидением, если оно будет отдано вдруг в монопольное владение тем, кто благородно и бескорыстно взыскует религиозного преображения России, зовет соотечественников к соборному покаянию и самоотречению, хлопо-

А С. Чупринин в 2000 г. (статья *На одном гектаре*) высказал сожаление по поводу того, что его единомышленники не пишут и ничего толком не знают о талантливых писателях, примкнувших к противоположному лагерю, представители которого, в свою очередь, ничего не хотят знать о демократически настроенных писателях: «Узнать о том, чем занят Юрий Кузнецов, над чем работают Валентин Распутин и Василий Белов, какой новый роман выпустил Юрий Бондарев, читателю демократических изданий просто неоткуда. И равным образом – люди, составляющие себе представление о современной литературе по журналам „Наш современник“, „Молодая гвардия“ или „Москва“, рискуют никогда не узнать о том, какую новую книгу написал Фазиль Искандер, чем озабочена Белла Ахмадулина и что обещают читателям Людмила Петрушевская или Георгий Владимов. <...> Несколько лет назад я назвал эту ситуацию апартеидом, вынужденно совместным, но раздельным проживанием двух литератур в рамках одного языка и одной страны» (ПУ, с. 278-279).

Но, сблизившись методологически, разные либералы и демократы далеко не одинаково оценивают современное состояние литературы и критики. Н. Иванова в *Хронике* под 1996 г. признает, что представители «деревенской», «военной» и либеральной литературы В. Астафьев, В. Распутин, Г. Бакланов, Б. Окуджава, В. Богомолов, Ф. Искандер, А. Битов хотя и активны, «но не они привносят в литературную ситуацию существенную новизну. <...> С очевидным запозданием по отношению к постмодернизму западному появились свои постмодернисты, подвергающие скептическому сомнению так называемые общечеловеческие ценности, покушаясь на сам гуманизм, и включающие в свою практику каталог методик, обломки всевозможных традиций, в том числе и эстетики острого социального реализма. <...> Постмодернизм скрещивает эстетику массовой культуры, «чтива» с высоколбой, интеллектуальной прозой» (НИ, с. 378-379). Под 1994 г.: «Может быть, «Генерал и его армия» [реалистический роман Г. Владимова об Отечественной войне. – С.К.] и был последним из цепи *романов, прочитанных всеми* («широким читателем»). Замыкающий – перед окончательным разделом литературного пространства (разделением по интересам)» (там же, с. 359). Но – говорится под 1999 г. – широко известны лишь старые писатели. «Фамилий в литературе все больше, имен все меньше. Выйди за дверь, спроси – кто такой Дмитриев Андрей? Вряд ли что-нибудь вразумительное услышишь – как и на «Нина Садур», «Вячеслав Пьецух», «Марина Палей», «Анатолий Королев». <...> Именами остаются те, кто получил имя до всякой перестройки: Ахмадулина, Вознесенский, Битов, Искандер... Прибавились к ним совсем немногие» (там же, с. 405). И вдруг неожиданный вывод: «Между тем, литература, оставленная политиками в покое, продолжалась – и качество ее, не побоюсь сказать, сегодня выше предыдущего. Ремесло выше. И не только ремесло. В то время как «имена» либо топчутся на месте, либо деградируют, литература, изданная не очень известными или совсем неизвестными новыми писателями, пробует, движется, работает.

Литература – *договаривает*, используя открытия XX века» (там же).

чет о национальных приоритетах, а в искусстве XX века видит исключительно власть тьмы» (*Выбор* – ПУ, с. 236).

Старые критики тоже весьма заметно потеснились. Н. Иванова пишет в статье *Между*: «Все реже и реже выпадает счастье прочитать свежую журнальную статью Станислава Рассадина, оценить неувядающий полемический задор Бенедикта Сарнова; мысли и заботы Игоря Виноградова отданы „Континенту“; Игорь Золотусский если не просвещает финнов, то лишь изредка ворчит на современную литературу, временно замещая позднего Николая Васильевича Гоголя; а Лев Аннинский стал столь необозримо многоруким Шивой, что я уже понять не могу – он все-таки остается литературным-то критиком или уже нет?»²⁵ (там же, с. 170).

Но, например, „Независимая газета” решила, что «если литературы становится все меньше, то критики должно быть не меньше, а больше.

Происходило и сближение, и – одновременно – эмансипация критики от литературы. Близость к журнализму ее не смущала, а вдохновляла, открывала новые перспективы» (там же, с. 174). «Достаточно резкой, различающей границей между критиками старой либеральной школы, изредка появлявшимся на страницах „НГ”, и критикой самой „НГ” стало отношение к аудитории. Если адресатом первых была «общественность», читатели, подписчики («народ и власть»), то адресатом вторых являлись они сами. <...> Для Аннинского, Рассадина, Сарнова или Золотусского, при всем различии их убеждений и манер, ощущение, что их «никто не читает», – трагическое. Для новых критиков – норма, не вызывающая отрицательных эмоций. Аннинский, Рассадин, Сарнов или Золотусский озабочены прежде всего реальностью, жизнью, или судьбой России, или судьбой свободы и демократии, или тоталитарным наследием. «Новым» до этого дело, конечно, есть, но на страницу своего текста они эту реальность не допустят, сочтя такой *mixt* свидетельством недостаточной профессиональности. <...> «Формировать общественное мнение»? Если мы и будем заниматься этим неблагоприятным занятием, то в свободное от критики время, в статьях публицистических» (там же, с. 175-176). Эта критика «избрала стратегию отстрела либералов-шестидесятников (именно на них была возложена ответственность за идеологию и результат перестройки) <...> Бенедикт Сарнов, Булат Окуджава, Андрей Битов, не говоря уж о менее заметных фигурах, расстреливались из номера в номер. <...> В дело пошла не литература, а все то, что клубилось около нее» (там же, с. 177). Но в *Хронике* под 1999 г. – вывод еще более неожиданный, чем в отношении художественной словесности. Н. Иванова заявила, что критика в обозреваемый период «стала интересней всей другой литературы. Она стала умней, разнообразней, темпераментней. Она ничего не испугалась. Она работала, не покладая рук, а постоянно держа их над клавиатурой компьютера. Она развила многообразные жанры, не чуралась рецензий из двух строк, смело шла в газету; вроде бы никого не учила, не просвещала, но упорно продолжала делать свое литературное дело» (там же, с. 405-406). Начинаясь последовательницей «шестидесятников» Н. Иванова уходила вместе с ними из литературы не собиралась. Плюрализм так плюрализм.

Шеф Ивановой по журналу уже в 1994 г. был того же мнения насчет качества критики: о том, что общественный интерес – «и вместе с ним жизнь – возвращается к критике, говорит слишком многое.

²⁵ Еще в середине 1980-х гг. С. Чупринин замечал, что Л. Аннинский «мог бы написать полную литературно-критического блеска статью о чернильнице или о жэковской “жировке”» (С. Чупринин, *Критика – это критики. Проблемы и портреты*, Москва 1988, с. 87).

И прежде всего мощный приток свежих дарований в русло, которое в очередной раз поторопились объявить пересохшим» (статья *Элегия* – ПУ, с. 212).

Несравненно строже к литературе и критике А. Н. Латынина, которую Михаил Эдельштейн в постскрипуме к своей беседе с ней (2004) характеризует так: «Если мастерство критика состоит в способности посмотреть на то или иное литературное явление с двух сторон, не ограничиваясь простым «хорошо» – «плохо», то в этом А. Латыниной равных мало. <...> Обнаружить приблизительность, недостаточность расхожих точек зрения, причем используя в качестве инструмента деконструкции не отмычку – парадокс, а ключ – здравый смысл, – едва ли кто-то в современной критике способен справиться с этой задачей лучше А. Латыниной» (АЛ, с. 696-697).

В статье *Сумерки литературы: закат или рассвет* (2001) она пишет: «Кризис литературы, конечно, вещь самоочевидная. Это только Андрей Немзер [как видим, все-таки не только. – С.К.] считает минувшее десятилетие „замечательным“, осыпав нас в доказательство грудой писательских имен, наплодивших неисчислимо количество романов, повестей и рассказов (но в этой пестрой россыпи симпатичных камушков бессмысленно искать драгоценный).

Большинство же наблюдателей упадок литературы признает как факт» (там же, с. 663). Сказанное относится не к одним лишь новым писателям. «Теперь вот иные плачут: с цензурой-то поинтереснее было. Эзопов язык изобретать, стиль оттачивать, с читателем перемигиваться. Оказалось, что Андрей Битов так ничего и не написал, что было бы лучше *Пушкинского Дома*, Аксенов не превзошел *Ожог* и *Остров Крым*, Войнович лишь ухудшал продолжениями остроумнейшего *Чонкина*. Нынешние мэтры лучшие свои вещи написали под давящим прессом несвободы (и, конечно, в борьбе с нею). Следующему поколению уже не с чем было бороться» (там же, с. 662-663). В оценке названных мэтров Н. Иванова и А. Латынина сходятся. Уже *Генерала и его армию* Г. Владимова последняя судит значительно более сурово. По ее словам, «критика была заранее к роману благосклонна: газеты заказывали благожелательные статьи на основании анонса (сама так сделала). Потом распробовали: роман на вкус – как перезревший помидор. Его бы написать лет на двадцать раньше, да еще с той энергетикой, что превратила незамысловатую историю *Верного Руслана* в литературное событие» (там же, с. 656). «Молодые» писатели и подавно Латынину не восхищают. Но она в 2001 г. надеялась на лучшее, правда, обставляя надежду беспокойными вопросами. Писала, что «и в пессимистический вывод И. Роднянской – «эпоха муляжей продлится долго» — тоже как-то верить не хочется. <...> Мы вступили в эпоху литературных сумерек. Вопрос: что надо делать, чтобы прогнать тьму? Тревожно бить в бубны и там-тамы, топтать ногами, жечь костры? Или, помолясь, отправляться спать в надежде, что утро придет само собой?» (там же, с. 666). Случайно окончание мрачной «литгазетной» статьи в сборнике пришлось на апокалиптическое число 666.

Во время беседы Эдельштейна с Латыниной «У меня нет аргументов, чтобы убедить людей читать современную русскую литературу» на его вопрос: «А чем сегодняшняя критика отличается от критики предыдущего периода?» – последовал ответ: «Горопливостью, неосновательностью и безответственностью. Впрочем, можно интерпретировать эти качества по-другому и сказать, что новую кри-

тику отличает оперативность, раскованность и отсутствие страха перед авторитетами. Но одно несомненно: сегодня постоянно работающий критик вынужден писать по статье в неделю, если не чаще. Но когда человек слишком много читает, у него меняется восприятие. А потом, я сильно подозреваю, что критики, которые уверяют, будто они читают все, в действительности очень многое просто пролистывают. Но скоростное чтение для критика не годится. Сама я читаю не так много и отдаю себе отчет, что знания мои дискретны. Я и пишу сейчас в значительной степени по инерции, не испытывая внутренней необходимости в публичном высказывании и не чувствуя потребности в нем общества» (там же, с. 689). Здесь позиция А. Латыниной чрезвычайно далека от оптимистической позиции С. Чупринина и Н. Ивановой.

Главный же национально-патриотический журнал во главе со Станиславом Куняевым доказывает, что критики вовсе нет. В № 10 за 1996 г. он опубликовал статью Ирины Стрелковой *Литература в отсутствие критики* (в «содержании» перепечатавшего ее сборника – «в отсутствии»²⁶). С пополнением когорты критиков этого направления дело обстоит исключительно плохо. С. Чупринин в статье 1994 г. *Элегия* писал, что «бурный приток свежих сил в критику, условно говоря, прогрессивной направленности особенно нагляден на фоне застарелого недорода в патриотическом стане, где брадатый и ясноглазый Александр Казинцев так до сих пор, кажется, и остается самым молодым, многообещающим...» (ПУ, с. 206). Другой «молодой», сын Ст. Куняева Сергей, в 2007 г. составил сборник с неопределенным названием: на обложке – *“Наш современник”. Антология. Том четвертый. Критика*, на титульном листе и в выходных данных – *В сраженьи и любви. Антология русской критики. Том 4*, на обороте титула – *Российские дали. Антология русской критики*. Составитель С.С. Куняев. Том 4», там же аннотация: «В четвертый том издания вошли избранные статьи и историко-литературные исследования, опубликованные в журнале „Наш современник“ за последние 15 лет» (с. 2). Раз «антология», значит, наилучшие. В заметке *От составителя* сказано: «За последние 15 лет наряду со «старой гвардией» – Петром Палиевским, Михаилом Лобановым, Сергеем Семановым, Ириной Стрелковой – журнал предоставлял страницы боевым статьям Владимира Бондаренко, мудрым размышлениям – о связях классики и современности – Михаила Коврова, Андрея Убогого, Бориса Конухова, Натальи Даниловой» (с. 4). Открываем «мудрые размышления» М. Коврова с названием *Родоначальники нации* (1999) и посвящением *«К 100-летию со дня рождения А.П. Платонова»*. Первые строчки: «Вы думаете, он умер? Рано еще, сволочи, ликовать! Он скрылся пока где-то в пространстве этого города и человечества и пропал среди всех» (с. 277). В чем логика, если все равно пропал? И кто эти ликующие сволочи? Ни один демократ или «космополит» никогда не писал и не говорил о Платонове ничего плохого, и только благодаря демократизации общества его главные произведения пришли к читателю. Если брань Коврова – самые «мудрые размышления» в „Нашем современнике“, то каковы же не мудрые?

Открывающие «антологию» личные воспоминания М. Лобанова *В сраженьи и любви* (1990) – не критическая статья, критика только обругана опять-таки

²⁶ *Российские дали. Антология русской критики*. Составитель С.С. Куняев, т. 4, Москва 2007, с. 574. Далее страницы этого сборника указываются в тексте.

в первых же строках: «Абсолютно господствующая у нас лево-радикальная пресса типа журнала “Огонек” за короткий срок “гласности” и “плюрализма” устроила для массового сознания поистине духовный Чернобыль. Выжжено все здоровое прошлое. Человек, с богатейшей тысячелетней историей, оказался на голом месте» (с. 5). Кто именно сумел перечеркнуть всю тысячу лет истории, остается тайной. Не как критик выступает и Феликс Кузнецов с воспоминаниями о Николае Рубцове (1996). В личном плане рассматривает Сергей Куняев биографию Лили Брик (серия «Женщина-миф») в статье-рецензии *Женщина без мифа* (1999). Наиболее интересное наблюдение над поэзией Маяковского в ней следующее: «Ни в одни самые драматичные стихи, посвященные другим женщинам, будь то Мария Денисова или Татьяна Яковлева, не вторгается мотив самоубийства. Только в стихи, посвященные Лиле Брик» (с. 257). Ясно, кто погубил поэта? Женщина, которая прекратила интимные отношения с ним за шесть лет до его гибели. «Антимифологическая» статья возрождает давний советский миф о сугубо личных причинах самоубийства Маяковского.

Из книги В. Кожина *История Руси и русского слова* в 1992 г. „Наш современник” напечатал главы *Русский героический эпос* и *Проблема сохранности эпоса в истории*. Это-то почему «критика»? А. Ланшиков в 1994 г. хоть спорил с книгой *Ледокол* антисоветского историка В. Суворова (Резуна) о сталинской и мировой политике перед Второй мировой войной.

Напечатанная в 1991 г. статья Ю. Селезнева (1939-1984) *Чтобы старые рассказывали, а молодые помнили!* посвящена патриотическим поэтам XIX в. Из более давнего литературного наследия в 1990 г. была извлечена статья Андрея Белого *Штемплёванная культура* (1909) с нетипичной для него, но типичной для „Нашего современника” концовкой: «Равноправием должны доказать мы евреям, что они не дурной народ; и в их стремлении к равноправию мы с ними.

И протестом против их гегемонии во всех областях культурного руководства должны подчеркнуть мы, что они народ иной, чуждый задач русской культуры; в их стремлении к равному с нами пониманию скрытых возможностей русского народа мы, безусловно, против них.

Русское общество должно наконец понять, что навязываемая ему «Штемплёванная культура» – не культура вовсе» (с. 51). И никакая это не литературная критика, а публицистика.

От современности довольно уже далека по материалу статья П. Палиевского *Булгаков–1991*. Поэт-верлибрист Вяч. Куприянов написал в 1996 г. большую отрицательную рецензию на составленную Евгением Евтушенко *Антологию русской поэзии* главным образом для того, чтобы упрекнуть составителя в слишком большом количестве напечатанных эмигрантов и дать ему определение «ведущий деятель массовой культуры» (с. 217).

Из опубликованных в сборнике статей 1990-х гг. собственно к критике современной литературы относятся только *Мёртвых проклятья* (1995) Ксении Мяло, представленной в справке «Об авторах» как «историк, публицист» (с. 572), – здесь осуждается роман позднего Виктора Астафьева (показавшего много ужасов советской истории) *Прокляты и убиты* («Война у Астафьева – это Голгофа без Воскресения, и его убитые воскрешения недостойны, а потому – неумолимо прокляты» – с. 183) – и две статьи В. Бондаренко: *Чингиз, не помнящий родства*

(1995) и *Серебряная точность слова* (2007). В первой небезосновательно говорится на примере романа *Тавро Кассандры* об утрате национальной специфики в произведениях позднего Ч. Айтманова (она действительно составляла достоинство его творчества). Но бурное негодование критика («Что осталось в романе от бывшего краснопогонного, гертрудо-лениноносного Чингиза Айтматова – так это оголтелый атеизм. Он ушел от бывшего степного пантеизма, он играет как в карты, как в фишки – во все религии сразу. <...> Можно ли другого понимания Бога ждать от киргиза, объявляющего себя сегодня казахским писателем, пишущего на русском языке для англоязычного читателя?» – с. 168) выглядело бы несколько более убедительным, если бы рядом не была напечатана апология «серебряной точности» графоманских виршей Ивана Переверзина.

Впрочем, размывание своей специфики вообще свойственно «постперестроечной» критике. С. Чупринин в 1994 г. (*Элегия*) отмечал в ней следующие особенности:

«– жесткую, почти крепостную зависимость от того издания, с каким он [автор статей – С.К.] связан взаимными обязательствами²⁷: никто скорее всего не покусится на интеллектуальную, творческую свободу автора, но никто и не позволит ему нарушить правила игры, предусмотренные контрактом;

– соединительный дефис на том месте, где стояло разграничительное «и» в словосочетаниях «критик-литературовед», «критик-журналист», «критик-редактор»²⁸, ибо на только критиков нет и не будет больше спроса, зато требуются «писатель в газете» (как Николай Климонтович в „Коммерсанте-Дейли“), «профессор в газете» (как Владимир Новиков в „Общей“) и т.д., и т.п.;

– экспансию маргинальных, до сих пор худо на русской почве приживавшихся жанров: например, эссе или, допустим, рекламной аннотации, может быть, даже слоганов;

– и наконец – горе нам, горе! – легализацию таких и ранее представленных в нашей литературе, но считавшихся не похвальными, вынужденно прятавшихся в тень специальностей, как критик-шоумен, критик-имиджмейкер, критик – светский хроникер и даже критик – наемный убийца...» (ПУ, с. 211).

Свою метафорическую типологию современных критиков по преимущественным задачам предложила Наталья Иванова в „Литературной газете“ от 19 июня 1997 г. (статья *Мука, вода и дрожжи*²⁹): «Есть критик-ищейка, следовательно-исследователь, разоблачающий подделку для установления истинной ценности. Есть критик-белка, вышелушиватель, проявитель смыслов. Критик-исполнитель.

²⁷ Однако такой давно известный и такой независимый критик, как Лев Аннинский, «делая вид, что, вообще-то, выбирать – не по его части, успешно, хотя и с заметными потерями в качестве, реализовал-таки свою экстравагантную мечту «напечататься одновременно и в газете “Сегодня” и в газете “Завтра”»» (статья С. Чупринина *Расколотое зеркало* 1997 г. – ПУ, с. 243) – демократическом и воинственном национал-патриотическом органах.

²⁸ В *Хронике* Н. Ивановой: «Толстые журналы потеряли былую *власть* над умами.

Зато литературные критики обрели *власть* в журналах: „Континент“, „Знамя“, „Звезда“, „Новый мир“... Редактор-критик – это тоже тенденция нового времени» (НИ, с. 400).

²⁹ Название также метафорически соответствует названию большой, двучастной программной статьи «Писатель, читатель, критик» (1966) «новомирского» властителя дум 1960-х В. Лакшина (см.: В. Лакшин, *Пути журнальные. Из литературной полемики 60-х годов*, Москва 1990, с. 74-182).

Дирижер. Есть критик-кутюрье, делающий моду, погоду в литературе. Я уже не говорю о критике-властителе дум (последняя эпоха возрождения этой значительнейшей для русской литературы роли – эпоха гласности, до свободы слова). Есть критик-фокусник, критик-иллюзионист. Есть мука – это писатель; есть вода – это читатель; и есть, наконец, дрожжи – это литературная критика. Без нее по большому счету не будет выпечен хлеб российской словесности» (X, с. 585). Это, во всяком случае, стилистически – критика «художественная». У многих других подход «художественный» во всех отношениях. Дмитрий Бавильский в ответе на анкету журнала „Знамя” для критиков нового поколения говорил: «Критика совершенно законно становится более субъективной, и, распадаясь на группы и направления, все более частной. И, таким образом, становится разновидностью художественной прозы. Этакой эстетической беллетристики для «знаточеской среды», для тонкой прослойки «новых умных». Первым следствием этого «дурного дела» становится стирание граней между прозаиком и критиком, каждый из которых на своем уровне и своими средствами занимается пересозданием действительности, подгонкой ее под себя»³⁰. В *Истории русской литературной критики...* Илья Кукулин и Марк Липовецкий два раздела (из шести) своей главы *Постсоветская критика и новый статус литературы в России* озаглавили *Критический импрессионизм: Критик как писатель* и *Критический импрессионизм: Дневниковый дискурс*, но только один – *Новые расколы: “Хтонические” неотрадиционалисты и “младофилологи”* (ИРЛК, с. 667-693, 708-721). Н.Б. Иванова в статье *Между* – о неутомимом Андрее Немзере: «Практически ни одну из сколько-нибудь заметных публикаций не минует его вольный пересказ, переходящий порой в заметку по поводу, снабженную множеством отсылок к “себе предыдущему”» (НИ, с. 180). То есть, адресованную тем немногим (если такие вообще есть), кто всего Немзера читал. Литературовед В.Г. Моисеева о популярнейших литераторах, относящихся к третьей волне эмиграции, Петре Вайле и Александре Генисе: в круг их интересов «включается все, так или иначе связанное с понятием культура (причем их интересует культура разных эпох и разных наций, метрополии и эмиграции), и разные срезы ее рассмотрения: бытовой, научный, политический, социально-психологический, литературный. Последний, безусловно, для них наиболее важен, однако не совсем верно называть Вайля и Гениса прежде всего литературоведами и критиками. <...> Их творчество – форма самосознания современного человека через освоение различных пространственно-временных миров и социально-духовных категорий, в том числе и литературы»³¹. Самый интересный литературоведческий журнал, созданный в 1992 г. Ириной Прохоровой, „Новое литературное обозрение” – тоже далеко не только филологический, «это полидисциплинарный журнал, публикующий статьи и об истории культуры, и о методологии гуманитарных наук, а обсуждение новейшей литературы – лишь одно из многочисленных направлений его деятельности» (ИРЛК, с. 716-717)³².

³⁰ *Критика: последний призыв*, „Знамя” 1999, № 12, с. 146 (ИРЛК, с. 641).

³¹ *История литературы русского зарубежья*, под ред. А.П. Авраменко, Москва 2011, с. 648-649.

³² Правда, этот журнал, ориентированный на западные литературоведение и культурологию, – довольно снобистское издание, особенно в отношении к несчастному, затюканному провинциальному литературоведению в России. «Если бы в отделе рецензий не проскальзывала иногда грозная и безапелляционная интонация «напостовцев», журнал можно было бы считать

Все же «расколы» внутри демократической критики происходят главным образом по эстетическому принципу, а не идеологическому, хотя И. Кукулин и М. Липовецкий называют самый заметный из них идеологическим: «<...> дискуссия о постмодернизме и реализме, идущая на протяжении всего десятилетия, в конечном счете приводит к весьма ощутимому расколу в либеральном лагере. Защитники реалистической традиции тяготеют к „Новому миру” и „Континенту” – именно тут печатаются наиболее резкие выступления Ирины Роднянской, Павла Басинского, Евгения Ермолина, Валерия Сердюченко и некоторых других критиков, направленные против отдельных постмодернистов и против постмодернизма в целом как опасного для русской культуры явления. Те же, кто рассматривает постмодернизм как продуктивное явление отечественной культуры, поначалу тяготеют к „Независимой газете” и „Сегодня” (Б. Кузьминский, В. Курицын, Б. Парамонов, Д. Бавильский и др.), „Знамени” (статьи Михаила Айзенберга, Александра Гениса, Елены Иваницкой, Натальи Ивановой, Владимира Новикова, Бахыта Кенжеева, Сергея Рейнгольда, Генриха Сапгира, Карена Степаняна, Михаила Эпштейна), „Октябрю” (статьи Леонида Баткина, Берга, Иваницкой, Курицына, Эпштейна), „Звезде” (статьи Гениса и Эпштейна) и „Дружбе народов” (Н. Александров, Д. Бавильский, М. Берг, Олег Дарк, Н. Иванова, Вяч. Курицын, Вл. Новиков, Михаил Новиков, Ольга Седакова). Но постепенно этот полюс критического дискурса смещается в сторону „Нового литературного обозрения”, „Новой русской книги”, „Критической массы”. <...> Дискуссия о постмодернизме обнаружила конфликтное сосуществование в либеральном дискурсе двух трудно совместимых концепций культуры. Одной – иерархической, основанной на культуре традиции; другой – неиерархической, подразумевающей постоянную борьбу различных, опровергающих друг друга иерархий и рефлексию самого дискурса дискуссии» (ИРЛК, с. 651-653, 663)³³. В *Хронике* под 1994 г. Н. Иванова отмечает: «Схватка реалистов с постмодернистами запечатлена на страницах газет и литературных журналов – в частности, в статьях П. Басинского и В. Кури-

достойным увенчанием литературно-критических исканий XX в.» (*История русской литературной критики*, под ред. В.В. Прозорова, Москва 2011, с. 360). Упрек должен касаться не только отдела рецензий. «Одной из трибун, с которой литературе в «замечательное десятилетие» пытались диктовать, какой ей быть, стал журнал «Новое литературное обозрение». Со страниц этого журнала диктовали, какой быть (не быть) и науке о литературе. Поскольку нас это касалось непосредственно, то в ВЛ опубликовали ряд полемических материалов. В ответ лишь однажды прозвучала идеологизированная брань, а потом — молчанье» (И. Шайтанов, *Профессия – критик*, „Вопросы литературы” 2007, № 4, с. 38-39).

³³ Одно количество перечисленных изданий и фамилий говорит о том, на чьей стороне авторы *Истории русской литературной критики...* под редакцией Е. Добренко и Г. Тиханова. Однако «многие исследователи западноевропейских литератур и литературы США фиксируют несоответствие художественной практики 1980-2000-х гг. постмодернистской теории» ввиду того, что «художественная практика даже в период расцвета постмодернистской научной рефлексии была намного богаче теоретических положений и опровергала распространенные представления о количественном и качественном доминировании произведений данного стиля», равно как ввиду того, что «на современном этапе наиболее ярким и интересными произведениями оказываются те, в которых «каноны» постмодернизма преодолены, а художественный опыт стиля синтезирован с установками других художественных систем, что создает новое качество» (А.Ю. Мережинская, *Русская постмодернистская литература*, Киев 2007, с. 282, 283).

цына (в данном случае любопытно то, что эта схватка – внутри одного поколения)» (НИ, с. 362).

Настоящий идеологический раскол произошел, точнее, отчетливее проявился в условиях отсутствия цензуры³⁴ среди литераторов национально-патриотического направления, которых интернациональный коллектив авторов *Истории русской литературной критики...* постоянно именуется просто “русскими националистами”, никак не выделяя из их числа представителей “истинной” русской культуры (кавычки при этом определении имеют иронический смысл) – действительно ярко талантливых поэта Н. Рубцова, прозаика В. Распутина, композитора Г. Свиридова и др. (ИРЛК, с. 697). Все литераторы национально-патриотического направления противостоят всем «демократам» без разбору, хотя полемика по конкретным вопросам после бурного выяснения отношений (и так ясных) прекратилась, «почти сразу после 1991 года заканчивается “журнальная война” между критиками либерального и националистического направлений» (там же, с. 638)³⁵. Но журнал „Молодая гвардия” еще в 1970-х гг. возродил идеологию позднего сталинизма (первого послевоенного десятилетия): «мы» лучше всех в мире и потому, что русские, и потому, что советские. Авторам круга „Нашего современника” в советской истории нравилось не все, например, не нравилась губительная для крестьянства коллективизация, а некоторым, как Василию Белову, и урбанизация. Эстетические предпочтения у „Нашего современника” бывали (далеко не всегда) выше, чем у „Молодой гвардии”. Наиболее эрудированный член его редколлегии Вадим Кожин имел представление о русской религиозной философии. Так, название его направленной против антисталинистского романа Ан. Рыбакова *Дети Арбата* статьи, опубликованной в № 4 „Нашего современника” за 1988 г., – *Правда и истина* – отсылало, правда без оговорок, к заглавию статьи Н.А. Бердяева *Философская истина и интеллигентская правда*, которая открывала знаменитый до революции сборник *Вехи* (1909), отразивший разочарование части либеральной интеллигенции в революционных идеалах. Кожин высмеял свойственное «шестидесятникам» и их последователям объяснение бед советского времени личными качествами Сталина, как бы даже отчасти оправдывал его, подчеркивая разрушительное воздействие на нацию социальных потрясений вообще, якобы не характерных для русских, привнесенных извне («инородцами»).

Теперь историки критики говорят о «белом» и «красном» патриотизме. «Начало открытой полемики положила Татьяна Глушкова, опубликовавшая в пяти (!)

³⁴ «В отличие от критики этого направления в 1960-1980-х годах, в 1990-2000-х «патриоты» стали гораздо откровеннее: без обиняков и идеологических реверансов они разворачивали далеко за пределы литературной / культурной полемики концепцию масштабного, уходящего в глубь веков злонамеренного разрушения русской нации, государственности и культуры, якобы осуществленного руками евреев и проеврейских либералов на деньги Запада» (ИРЛК, с. 695-696). Дело, однако, не только в этом, но и в противопоставлении личностных и надличностных (национальных, государственных) приоритетов (см.: С.И. Кормилов, *Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х – 1990-х годов*, с. 180-182).

³⁵ Показательно заглавие книги придерживающейся такой же терминологии немецкой исследовательницы Биргит Менцель – *«Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки»* (Москва 2006). Кстати, в этой книге огромное количество фактических ошибок.

номерах журнала „Молодая гвардия” [за 1994-1995 гг. – С.К.] обличительное сочинение про соратников под заголовком *Элита и “чернь” русского патриотизма. Авторитеты измены*. Солженицына Глушкова – в духе советской пропаганды – обвинила в том, что он санкционировал «все американско-сионистские, сущие и будущие преступления против России». Соответственно, Кожина, Солоухина, Крупина, Распутина она критиковала за то, что они представляют Солженицына как русского патриота, Шафаревича осуждала за контакты с Сахаровым и Солженицыным, Леонида Бородину – за диссидентское, т.е. антисоветское прошлое, Куныева – за попытки оправдать германофильство казачьего атамана-эмигранта Петра Краснова, который стал в нацистской Германии начальником Главного управления казачьих войск Министерства восточных оккупированных территорий. И всех вместе она проклинала за антикоммунизм и излишнюю, с ее точки зрения, почтительность к Западу» (ИРЛК, с. 698). «„Красные патриоты” (помимо Глушковой к ним относились или относятся Владимир Бушин, Юрий Бондарев, Александр Зиновьев, Михаил Алексеев, Михаил Лобанов, Феликс Кузнецов; обновленные версии этой идеологии представлены в сочинениях Александра Проханова, а во второй половине 1990-х и первой половине 2000-х – Эдуарда Лимонова) считают высшим достижением русского национализма именно советскую, а точнее – сталинскую империю <...>» (ИРЛК, с. 699)³⁶. Критик В. Бушин выступает не только против либеральных политиков и писателей, но и, как поэтесса Глушкова, против В. Солоухина, В. Распутина, Л. Бородин, В. Бондаренко, а также Солженицына. «Если, например, Бондаренко упрекал Солженицына в том, что тот не стал “нашим Хомейни”, не взял на себя миссию “возглавить так называемый белый патриотизм”, то для Бушина Солженицын – “родоначальник того нравственного разложения, той деградации общества, которая обрушилась сейчас на Россию”. По логике Бушина, отождествляющего русское с советским, Солженицын – русофоб, так как он “играл на руку Западу <...> был великой надеждой Западу, его агентом № 1”» (ИРЛК, с. 700).

Для «белого патриотизма» идеал – *православная империя*, разрушенная большевиками. Православная духовность, по мнению представителей этого направления, к которому историки критики без оговорок относят и Кожина (хотя он еще в 80-е гг. «опирался» на отдельные высказывания Ленина и в христианском благочестии замечен не был), уничтожена «руками евреев и космополитической интеллигенции, ненавидящей русский народ и не понимающей его ценностей» (там же). «Если для «красных патриотов» белая эмиграция неприемлема как предательская по отношению к (советской) родине, то «белые патриоты» целенаправленно издают и пропагандируют произведения русских эмигрантов, особенно консервативных (Ивана Ильина³⁷), монархически настроенных (Ивана Соло-

³⁶ Одновременно историки критики иронизируют над теми, кто считает распад СССР «величайшей геополитической катастрофой XX века» (там же).

³⁷ Василий Белов выступил в непривычной для него роли составителя и комментатора (даже даты в ряде случаев не счел нужным поставить: всё мерил «вечностью») сборника критических статей И.А. Ильина *Одинокий художник* (Москва 1993), в одной из которых – *Когда же возродится великая русская поэзия?* – хамски разгромлена вся великая поэзия Серебряного века.

невича), черносотенных и даже тяготеющих к фашизму (Петра Краснова³⁸). <...> Если «красные избегают критиковать Ленина, считая его основателем советской империи, то для «белых» Ленин – русофоб и космополит, приведший к власти антинародную элиту, впоследствии ликвидированную Сталиным. Если для «красных» Сталин – абсолютный и непререкаемый авторитет и во всем прав, то «белые» упрекают его за политику коллективизации, но почитают за террор 1930-х годов (против большевистской – читай: еврейской – элиты), за победу в Великой Отечественной войне и послевоенную «борьбу с космополитизмом» (ИРЛК, с. 701). Вероятно, они не знают, что коллективизацию осуждал высланный за пределы СССР Лев Троцкий (Бронштейн).

Из классиков советской литературы оба направления особенно чтят Шолохова (хотя он и поддержал коллективизацию в *Поднятой целине*), но по-разному. «Если «красные» возмущены интерпретацией *Тихого Дона* как «белогвардейского романа», то «белые патриоты» создают новый культ Шолохова как писателя, рассказавшего правду о страданиях русского народа под пятой «инородцев»» (там же). Надо сказать, что критики и литературоведы «демократической» ориентации не только «отдали» Шолохова своим противникам без боя, но и подходят к его творчеству и биографии с совсем не демократической презумпцией виновности.

В основном к «белому патриотизму» следует отнести «первую полномасштабную попытку создания литературно-критического пантеона «русской партии», предпринятую Юрием Павловым, профессором из Армавира, который, по словам Владимира Бондаренко, «продолжает русское дело, вослед за Юрием Селезневым, Вадимом Кожинным³⁹, Михаилом Лобановым, будто бы не было перестройки» (Бондаренко В. Том Павлова, „Завтра” 2010, 22 сентября). Главным результатом этого «дела» стал выход в 2010 году в издательстве «Литературная Россия» его книги *Критика XX-XXI вв.*, представляющей собой серию выполненных в апологетической манере портретов главных критиков «патриотического» направления – Вадима Кожина, Михаила Лобанова, Юрия Селезнёва, Александра Казинцева и др. – в соседстве с портретами критиков-«антигероев». Об уровне анализа можно судить по названиям глав: *Бенедикт Сарнов: случай эстетствующего интеллигента*, *Дмитрий Быков: Чичиков и Коробочка в одном флаконе*, *Словесная диарея Дмитрия Быкова* и т.п. Но не только текущая критика является предметом интереса Павлова, занятого активным переписыванием истории критики, в частности т.н. мифа „Нового мира” (за участие в этом переписывании истории похвалы заслуживает *История критики* М. Голубкова)» (ИРЛК, с. 695-696).

Бондаренко же начинал «как все», писал о ком угодно. «Явно торопился, гнал, может быть, даже жадничал», в оценках не знал полутонов и колебаний, «однозначно занося, к примеру, <...> *Живые деньги* и роман *Шунгулеишские зимовья* А. Скалона, роман *Место действия* А. Проханова, роман *Шахта* А. Плетнева, по-

³⁸ В. Бондаренко тоже написал статью под названием *Не бел Краснов* („Завтра” 2008, № 6, с. 5). Для него хороши и «патриот» П.Н. Краснов, служивший Гитлеру, и активизировавший «русский патриотизм» И.В. Сталин, который после войны Краснова, выданного ему союзниками, повесил.

³⁹ В Армавире регулярно проходят конференции, посвященные умершему в 2001 г. Кожину.

вести В. Шугаева и А. Кима, В. Маканина и А. Курчаткина – в разряд <...> того, «чем этак через десять лет гордиться будем»⁴⁰. Если гордимся, то не очень. А. Латынина в 2001 г. (*Сумерки литературы: закат или рассвет*) поставила на первое место в современной литературе роман В. Маканина *Андеграунд, или Герой нашего времени*, написала о нем статью. «Но спустя какое-то время, – сообщает она, – известный филолог в связи с этой статьей спросил меня вскользь: «А что, роман Маканина действительно так хорош? Надо читать?» И у меня не хватило духу сказать безоговорочное «надо»...» (АЛ, с. 658).

В молодости Бондаренко «работал в верноподданнической и рутинной «Литературной России» и был очень не прочь перейти в «Литературную газету», интересовался русским авангардом, гордился знакомством с Лилей Брик, цитировал Хлебникова и, как он вспоминает, сам «искал молодых революционеров от искусства». Ничто тогда не обещало превращения изобретателя космополитической «московской школы», адепта современной жесткой городской прозы в пламенного вожака патриотического воинства» (*Старшая дочь короля Лиры* – АЛ, с. 57). К «московской школе», или «поколению сорокалетних», он и Владимир Гусев на рубеже 70-80-х гг. относили весьма разных писателей. Это В. Маканин, Р. Киреев, А. Курчаткин, А. Ким, А. Проханов, А. Афанасьев, близкие к «деревенской прозе» В. Крупин и В. Личутин и др., хотя было трудно «согласовать идеалы, допустим, Д. Жукова и, допустим, В. Маканина, найти общее между В. Беловым и А. Прохановым, выверить иерархию ценностей «сорокалетних» прозаиков по шкале «Нашего современника» <...>»⁴¹. Но и окончательно перейдя во время «перестройки» в национально-патриотический стан, Бондаренко сохранил максимальную для этого стана идеологическую «широту» и, подобно Кожинову⁴², эстетическую «терпимость» (ИРЛК, с. 705). «Бондаренко прекрасно понимает, что если предъявить миру патриотическую колоду писателей, в которой – Анатолий Иванов и Михаил Алексеев, Владимир Бушин и Михаил Лобанов, Валерий Ганичев и Татьяна Глушкова, Станислав Куняев и Александр Проханов, то трудно будет заявить, что вся литература – это *наши*, а либеральный лагерь – совершенно бесплоден. Поэтому он, вдохновленный примером Чичикова, вписывает в свою ревизскую сказку умерших. Николай Рубцов, Василий Шукшин, Владимир Солоухин, Виктор Астафьев⁴³, Владимир Максимов, Лев Гумилев – все оказываются соратниками Бондаренко» (АЛ, с. 65). Впрочем, не всех он «вписывает» в «сказку» (даже не ревизскую) совершенно безосновательно, но делает и совсем уж неправдоподобные натяжки. «В результате в „списках Бондаренко” оказываются такие далекие от национализма писатели, как Маканин и Юрий Коваль, Ахмадулина и Битов, Венедикт Ерофеев и Бродский, Саша Соколов и Дов-

⁴⁰ С. Чупринин, *Критика – это критики...*, с. 259, 260.

⁴¹ Там же, с. 262.

⁴² А. Латынина признает, что либеральный критик «Сарнов был куда более нетерпим, чем Кожинов» (АЛ, с. 685).

⁴³ У Станислава Куняева такие «ренегаты», как В. Астафьев, вызывают особенную ненависть. Ему посвящен очерк под названием *И пропал казак*. «Разрыв Астафьева с националистами Куняев объясняет не его решительным несогласием с их сталинизмом и попытками реабилитации советской империи, а меркантильным желанием автора «Последнего поклона» стоять поближе к власти и получать дивиденды за лояльность <...>» (ИРЛК, с. 702).

латов, Всеволод Некрасов и Пелевин, Олег Григорьев и Борис Рыжий» (ИРЛК, с. 706), – писатели, «которые ранее „выносились” за пределы «национальной идеи» по признаку либо авангардизма, либо либерализма, либо еврейства» (там же, с. 705).

Этому служит и идеологическая «широта», точнее, беспринципность. С 1990 по 2000 г. Бондаренко, постоянно работая в газете, «выпустил почти два десятка книг»⁴⁴, в которых «берет на себя роль «собирателя» националистического движения, противостоя нарастающим внутренним разногласиям. Особенно показательна в этом отношении его книга *Пламенные реакционеры: Три лика русского патриотизма* [2003 – С.К.]; она состоит из трех разделов: *Красный лик*, *Белый лик*, *Русский лик*. В каждый раздел входят весьма уважительные статьи о представителях «красной» и «белой» версий «патриотизма», а также развернутые беседы со многими из них. Третий раздел представляет концепцию некоего «синтетического» национализма, который предлагается создать поверх идейных разногласий «красных» и «белых». Бондаренко не может объяснить, что же, кроме «любви к русскому народу», объединяет между собой Василия Шукшина и Василия Белова, Валентина Распутина и Станислава Куняева, Дмитрия Балашова и Владимира Личутина, Юрия Кузнецова и Льва Гумилева, Алексея Балабанова и Татьяну Доронину (все они – герои этой части книги). Но автор стремится утвердить мысль, что «„исторический путь России – это консервативный вызов миру”, а основой консерватизма является русское православие (которому, по Бондаренко, не противоречит даже советская идеология)» (там же). В сущности, этот критик и публицист уже в 1990-е гг. проницательно предугадал официальную идеологическую политику России в 2000-е и 2010-е, когда почти на вершине Олимпа одинаково благоденствуют ругающие друг друга «патриоты» – Зюганов (якобы коммунист) и Жириновский (якобы либерал-демократ), которые оба с почтением относятся, как и верховная власть, к напористому патриарху вся Руси Кириллу, а сторонники вхождения страны в сообщество цивилизованных народов от власти отстраняются. Можно сказать, что эта политика соответствует знаменитой формуле С.С. Уварова, министра просвещения при Николае I, злейшего врага Пушкина, – «самодержавие, православие, народность». Разумеется, «народность» не в социальном смысле (ни в одной развитой стране нет такого имущественного расслоения населения, как в современной России), а в национальном – с безусловным прославлением всей отечественной истории, с угрозами тем, кто ее «искажает». Бондаренко, по-видимому, в «искажениях» не повинен.

Составлять сборники статей ему нетрудно. Он рачительный хозяин. У него ни полушки не пропадет: каждая заметочка в газете „День литературы”⁴⁵ будет построена. Даже если другая ее дублирует – не беда. Даже если факты устарели – все равно сойдет. Править? Вот еще. Комментировать? А зачем. Даты под статьями ставить? Так это же все равно, что военную тайну выдать.

⁴⁴ Национал-патриоты в 1990-е гг. издали, в отличие от демократов, много книг (ИРЛК, с. 694-695). Больше всего (не только в 1990-е гг., а вообще) написано и книг о сторонниках национально-патриотического движения: о С. Михалкове – 16, о В. Распутине – 13, о Ю. Бондареве – 10 (см.: С. Чупринин, *Русская литература сегодня. Новый путеводитель*, с. 813).

⁴⁵ Выходит как ежемесячное приложение к газете Александра Проханова „Завтра” с мая 1997 г. Учредитель и главный редактор – В. Бондаренко (там же, с. 738).

В результате в главе о Солженицыне, например, гадания о том, что будет с Солженицыным после его возвращения в Россию, следует за дежурной заметкой по поводу присуждения Солженицынской премии Евгению Носову и Константину Воробьеву; кагэбэшников, допрашивавших Леонида Бородина, автор обвиняет в том, что они теперь «работают у одного из лидеров Всемирного еврейского конгресса – банкира Гусинского», а проклятия кровавому и антинародному ельцинскому режиму, ритуально исторгаемые рядом героев Бондаренко, соседствуют с надеждами на его падение. Анахронизмы Бондаренко не смущают: субстанция времени в его книге отсутствует» (АЛ, с. 59-60).

Сближения «красных» и «белых» в критике, однако, не происходит, хотя в противостоянии «общему врагу» они и так едины. Впрочем, как ни странно, рекламу друг другу делают и непримиримые противники. Вл. Новиков в статье *Деноминация: Литература в плену безымянного времени* („Знамя” 1998, № 7) высказался о писателях таким образом, что если «мы чье-то имени не произносим, мы – осознанно или неосознанно – тормозим чье-то продвижение по лестнице публичного успеха. Толковые профессионалы это усваивают уже с первых шагов и хладнокровно ценят сам факт называния, номинации, независимо от оценочных знаков, понимая, что самое страшное – молчание, которое, как радиация, убивает незаметно» (X, с. 588–589).

Современная литература и критика разнообразны более чем когда-либо. Наталья Иванова пишет про «параллельные «литературы» <...>, множественность образований, каждое из которых имеет внутри себя набор необходимых для автономного существования средств. <...> В каждой из сублитератур есть свой набор прозаиков, поэтов, критиков. С жанровым репертуаром. В каждой есть свои классики, свои авторитеты, свои эпигоны, свои последователи, ученики. В каждой теперь есть и свои журналы, альманахи, даже газеты, свои премии, свои съезды (или «тусовки»)» (НИ, с. 365). Только «классиков» лучше бы закавычить.

Притом всё быстро меняется. В частности, писателями и критиками осознается разрыв **«между динамично развивающейся сложной реальностью и устаревшими постмодернистскими мировоззренческими установками».**

Например, реальность 1990-х – 2000-х вместо предполагаемого плюрализма, диалога, отмены иерархий, ощущения культурной насыщенности проявила свою ориентацию на конфликтность, установление новых иерархий, отказ от диалога⁴⁶. Но больше это относится к 2000-м гг., чем к 1990-м.

Перед лицом небывалого разнообразия литературы составитель хрестоматии *Русская проза конца XX века* С.И. Тимина представляет ее так: «Это – *спектр*, это – *разное* (в том числе, естественно, и *лучшее*), это – *новое и новейшее*, выражающее определенные тенденции времени в его многокрасочной палитре. Одним из важных критериев отбора текста здесь выступает творческая неповторимая индивидуальность» (X, с. 12). Но что же кроме индивидуальностей⁴⁷? Какие

⁴⁶ А.Ю. Мережинская, *Русская постмодернистская литература...*, с. 280.

⁴⁷ Андрей Рудалев не без иронии пишет: «В ситуации “художественного многоязычия” нет “универсальных критериев качества текста” – это Дмитрий Кузьмин, и у него в рукаве есть особый “священный Грааль” – смысл или “новые смыслы” (см. его манифест в pilotном выпуске журнала поэзии “Воздух” – 2007, № 1, с. 122). Здесь каждая творческая индивидуальность важна именно своей потенциальной иречь ранее сокровенные смыслы. Важна именно

«определенные» (вот именно что никак не определенные) тенденции времени? Литературовед, ученый не должен уходить от установления закономерностей, от обобщений при каком угодно многообразии.

Трудно – не значит, что ненужно.

Библиография

- Бондаренко В., *Не бел Краснов*, „Завтра” 2008, № 6.
- Голубков М.М., *История русской литературной критики XX века (1920-1990-е годы)*, Москва 2008.
- Иванова Н., *Русский вопрос*, „Знамя” 1992, № 1.
- Иванова Н., *Скрытый сюжет. Русская литература на переходе через век*, Санкт-Петербург 2003.
- История литературы русского зарубежья*, под общей ред. А.П. Авраменко, Москва 2011.
- Ильин И.А., *Одинокий художник. Статьи. Речи. Лекции*, Москва 1993.
- История русской литературной критики*, под ред. В.В. Прозорова, Москва 2002.
- История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи*, под ред. Е. Добренко и Г. Тиханова, Москва 2011.
- Кормилов С.И., *Идеологические и методологические различия в русской критике 1980-х годов*, „Вестник Московского университета. Серия 9. Филология” 2008, № 4.
- Кормилов С.И., *Поляризация литературно-критических позиций и российское общественное сознание на рубеже 1980-х – 1990-х годов*, „Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Филологический факультет. Кафедра истории русской литературы XX века. Кафедральные записки. Вопросы новой и новейшей русской литературы”, Москва 2002.
- Критика: последний призыв*, „Знамя” 1999, № 12.
- Лакшин В., *Пути журнальные. Из литературной полемики 60-х годов*, Москва 1990.
- Латынина А., *За открытым шлагбаумом. Литературная ситуация конца 80-х*, Москва 1991.
- Латынина А., *Комментарии. Заметки о современной литературе*, Москва 2009.
- Лунц Л., *Вне закона. Пьесы. Рассказы. Статьи*, Санкт-Петербург 1994.
- Менцель Б., *Гражданская война слов. Российская литературная критика периода перестройки*, Москва 2006.
- Мережинская А.Ю., *Русская постмодернистская литература*, Киев 2007.
- Немзер А., *Замечательное десятилетие русской литературы*, Москва 2003.
- Немзер А., *Литературное сегодня. О русской прозе. 90-е*, Москва 1998.

эта позиция, этот настрой, все прочее второстепенно. По сути, до этого же договаривается и Валерия Пустовая, когда говорит, что “критика в высшем смысле – это исповедание утопии, преданная идеалу, который дорог не столько возможностью своего воплощения, сколько своим существованием в личности критика» (*Китеж непотопляемый*, „Октябрь” 2006, № 10, с. 154).

Если в первом случае нам важна авторская индивидуальность писателя, то во втором – его сиятельности критика» (А. Рудалев, *В ожидании критики*, „Вопросы литературы” 2007, № 4, с. 57).

- Новиков Вл., *Промежуточный финиш*, „Знамя” 1992, № 9.
- Пруссакова И., *Критики нет? Критика есть!*, „Вопросы литературы” 1998, выпуск IV.
- Роднянская И., О беллетристике и «строгом» искусстве, „Новый мир” 1962, № 4.
- Российские дали. Антология русской критики*. Составитель С.С. Куняев, т. 4, Москва 2007.
- Рудалев А., *В ожидании критики*, „Вопросы литературы” 2007, № 4.
- Русская проза конца XX века. Хрестоматия*. Составление и вступительная статья С.И. Тиминой, Москва 2002.
- Чупринин С., *Критика – это критики. Проблемы и портреты*, Москва 1988.
- Чупринин С., *Первенцы свободы. «Новая журналистика» глазами литературного критика*, „Знамя” 1992, № 5.
- Чупринин С., *Перемена участи. Статьи последних лет*, Москва 2003.
- Чупринин С., *Русская литература сегодня. Новый путеводитель*, Москва 2009.
- Шайтанов И., *Профессия – критик*, „Вопросы литературы” 2007, № 4.

Summary

The Russian critique of the 1990s in self-appraisal and examination of literature study

The article deals with ideological and art currents. The author pays special attention to the most typical Russian critics of the first decades after the Soviet collapse in the interpretation of their colleagues who were active participants of literary process and represented literature as science including the authors of resumptive works on history of the Russian critique of the XX century.

The researcher demonstrates the differentiation of writers and critics and their debate.

Key words: *critique, study of literature, current, national patriots*